

Пролог

Все происходит в точности, как он где-то читал — яркий *божественный* свет, слепящий глаза... И это — конец? Если да, то совсем неплохо! Ни боли, ни страха... Именно так он мечтал умереть. Стоп! Ничего божественного в этом свете нет: он раздвоился и теперь напоминает... Нет, не напоминает, а это и *есть* светящиеся в темноте автомобильные фары! Значит, он жив? Жив и лежит в нескольких метрах от машины, а свет ее фар бьет ему прямо в лицо. Он с трудом поднимается и, пошатываясь, подходит ближе. Понятно, вылетел, когда автомобиль врезался... Во что он врезался? Что, черт возьми, случилось? Сколько времени прошло с момента аварии?

Он смотрит внутрь через разбитое стекло, различая смутные очертания тела. Открывает дверцу (другая, со стороны водителя, заблокирована деревом, в которое въехал автомобиль). Она поддается не сразу, но после нескольких попыток все-таки открывается, вернее, отваливается. С сиденья свешивается рука. Красивая рука с большой кистью и длинными пальцами. С пальцев капает кровь. Избегая заглядывать в безжизненное лицо, он хватается за плечи и тянет изо всех сил. Оно соскальзывает с сиденья, но ему не удается осво-

бодить левую ногу — должно быть, она застряла под сиденьем, сместившимся от удара. Опускается на колени, пытается высвободить ногу, и его руки скользят по чему-то вязкому, мокрому и теплomu. И запах... Запах бензина. Надо торопиться! Тем не менее он упрямо продолжает отгибать металл, зажавший ногу словно тисками. Он не может оставить тело внутри. Наконец нога свободна. Штанина черная от крови, но это не важно. Он вытаскивает тело, как мешок с мукой, волочит его по мокрой траве как можно дальше от машины. Взрыв заставляет вжаться в мокрую, вязкую почву, а на губах — вкус бензина и крови. Глупая мысль: в кино машины взрываются, как атомные бомбы, с шумом и столбом пламени, уходящим в небо. В жизни все гораздо скромнее. Автомобиль горит тихо, и кроме легкого потрескивания огня, не слышно ни звука.

А потом он услышал голоса. Странно — голоса отчетливые, а слов не разобрать... Снова свет ударил в глаза — на этот раз от фонарика. Приближается. Чьи-то руки ощупывают его, тормозят. Он смотрит на тело, лежащее рядом на мокрой траве, но видит только руку с широкой ладонью, длинными пальцами и тускло поблескивающим золотым кольцом на мизинце. И проваливается в темноту...

Глава 1

Рита вошла в ярко освещенный зал под звуки музыки и с интересом огляделась: здесь все оказалось не так, как она ожидала. Попасты в этот клуб стоило больших усилий и связей, и теперь понятно, почему. Огромное помещение выглядит еще больше из-за зеркальных потолков и прозрачного стеклянного пола, под которым колышется вода. Механизм, установленный внизу, гонит по ней легкие волны. Боковые стены украшают два гигантских аквариума с экзотическими рыбами, а прямо напротив — сцена в форме пирамиды, состоящей из широких ступеней, каждая из которых оборудована шестью различной длины. У верхнего шеста в данный момент танцевала потрясающе красивая блондинка в стрингах и тоненькой полоске прозрачного материала на высокой груди. Ничего пошлого: ее движения выглядели грациозно и артистично, словно она танцевала на сцене Большого театра в белой пачке Лебеда, а не в зале ночного клуба практически в костюме Евы.

Портъе, сопровождающий Риту, тихо кашлянул. Она встрепенулась и посмотрела на него.

— У нее генеральный прогон, — пояснил парень, понизив голос до шепота, хотя из-за громкой музыки девушка все равно вряд ли могла их

слышать. — Основная труппа тренируется на втором этаже. Пройдемте?

Конечно, ведь она для того и пришла, а вовсе не за тем, чтобы пялиться на полуголую девицу, ласкающую стальной шест, словно любовника. И все же она с трудом заставила себя не оглядываться, поднимаясь по лестнице: было в этом танце что-то невыносимо эротичное, завораживающее. «Представляю, — подумала Рита, следуя за охранником, — какое впечатление это производит на *мужчин!*»

Если бы не вездесущий Павел Мелихов, репортер светской хроники, ей ни за что сюда не попасть: столик требовалось заказывать не меньше чем за месяц, а уж в репетиционный зал, святая святых, никому и вовсе хода не было. Сюда ходят респектабельные бизнес-леди в вечерних платьях, богатеи в пиджаках от «Верлена» и знаменитости всех мастей. «Океан» считается закрытым клубом, и членство в нем зависит не столько от того, сколько ты стоишь, сколько от того, кого ты знаешь. Сюда попадают только по личной рекомендации одного из уважаемых постоянных клиентов. Из таких клубов не ведутся телерепортажи, о них лишь пишут в специальных изданиях: эти люди тщательно оберегают свою частную жизнь.

— Вам сюда, — сказал сопровождающий и распахнул перед Ритой дверь. Войдя, она зажмурилась: даже в театре своего отца, большого любителя внешних эффектов, она не видела столько зеркал и отраженных в них светильников. Еще до того, как глаза привыкли к слепящему свету, Рита услышала знакомый голос, говорящий:

— Минус два кило как минимум — ты меня поняла, Соня?

Звучал он мягко, но впечатление было обманчивым: стальные нотки в тоне не оставляли места сомнению в серьезности произносимых слов. О, как знакомы Рите эти слова: минус два кило, минус полкило... Такое впечатление, что место действия — рынок, мясной ряд! С другой стороны, где вы видели *толстую* балерину? Однако Рита не предполагала, что для стриптизерш, пардон, *эротических танцовщиц*, существуют те же жесткие правила по контролю веса. Девушки, выстроившиеся в шеренгу перед требовательным «оценщиком», выглядели роскошно — не то что воздушные, бестелесные балерины, которых, кажется, унесет первый порыв ветра. Высокие, грудастые, с крепкими, налитыми ягодицами и волосами, какие увидишь только в рекламе шампуня. Однако взгляд Риты приковал к себе строгий критик. После месяцев поисков, беготни по всему Питеру и бесконечных бесед с огромным количеством народа она наконец у цели! Восемь долгих лет прошло с тех пор, как они встречались в последний раз, и тогда это был *enfant terrible*, эдакий балованный ребенок, любимец публики и женщин, одно присутствие которого придавало любой тусовке оттенок божественности. В то время он купался в славе и поклонении. Рита и сама пала жертвой его обаяния, хотя и считала себя гораздо мудрее дурочек, осаждавших служебный вход Мариинского театра после спектакля в надежде поймать благосклонный взгляд своего идола. Его лицо с точеными чертами и «такими высокими скулами, что о них можно порезаться», как писала одна из газет, украшало афиши и рекламные плакаты фирмы Hugo Boss — большая редкость для театральной знаменитости. Игорь Байрамов. Он изменился. Отпустил волосы, и теперь крупные завитки доходили

до основания шеи. Лицо его украшала ухоженная венецианская бородка, но глаза все те же — миндалевидные, темно-карие, как у оленя.

Рита изо всех сил старалась не пялиться, но не могла отвести глаз. В этот момент Байрамов, стоящий лицом к двери, наконец, заметил незваную гостью.

— Ладно, — произнес он, обращаясь к девушкам, — все свободны — десять минут!

Вот, значит, сколько времени он ей отвел?

Танцовщицы с явным облегчением покинули помещение. Когда они проходили мимо, Рита заметила, что их гладкая, загорелая кожа блестит от пота.

— Так вот кто пришел от *самого* Синявского! — протянул Байрамов, как только его последняя подопечная вышла из зала. — А я-то голову ломаю! Неужели папочка решил, что ты все-таки можешь на что-то сгодиться?

Начинается! Разве могло быть иначе, разве мог он не пустить в ход свой ядовитый язык с первой же минуты?

Рита выросла с сознанием, что не оправдала надежд *великого* отца, знаменитого хореографа и балетмейстера, известного во всем мире. Она не стала балериной и поэтому что бы ни делала, каких бы успехов в жизни ни добивалась, Григорий Синявский давно поставил на дочери жирный крест. Двое других детей имели право если не на его любовь, то хотя бы на снисхождение, но Рита — другое дело. Она обладала способностями, но «зарыла талант в землю» и таким образом, по мнению отца, не состоялась как личность. Рита ненавидела балетное училище, его жесткую, а порой жестокую дисциплину. Ее свободолюбивая натура восставала против коварного соперниче-

ства, царившего среди совсем еще юных созданий в белых пачках и балетных туфельках, в которые прятались изуродованные изнурительными упражнениями ступни. Риту душила атмосфера зависти и злобы, исходящая от этих, казалось бы, невинных девчушек. Они знали, что она — дочка *Синявского*, главного ведущего хореографа-балетмейстера Мариинского театра, образчик nepoтизма, затесавшийся в их среду. Самым ужасным было то, что Рита действительно проявляла определенные способности, но этого ее однокурсницы не замечали. Они видели в ней соперницу, перед которой, независимо от талантов, заранее открыты двери в Большое Искусство. Они же, добивавшиеся признания собственным горбом и не имевшие «волосатой лапы» за спиной, могли в любой момент вылететь из училища, потому что недостатка в способных балетных девочках нет. И Рита взбунтовалась. Мать, бывшая балерина, лично познавшая все «прелести» профессии, встала на ее сторону, на некоторое время став для мужа врагом номер один. Приняв решение бросить учебу, младшая дочь потеряла право на отцовскую любовь. С тех пор Рита из кожи вон лезла в попытках доказать ему, что может добиться успеха на другом поприще: ни отличные оценки в школе, ни красный диплом об окончании юридического факультета университета не смогли вернуть дочери расположения отца. Именно поэтому, когда Синявский попросил ее найти Игоря Байрамова, она не стала возражать, готовая рыть носом землю, лишь бы убажить сурового родителя. И вот теперь ей напомнили обо всех неудачных попытках стать хорошей дочерью! Рита так хотела ответить Байрамову что-нибудь едкое, но вместо этого сказала только:

— Ты изменился за прошедшие годы!

— А ты нет, — усмехнулся он. — Все так же стремишься угодить папочке! Что понадобилось от меня *Великому и Ужасному*?

Так за глаза называли Синявского в Мариинке. Называют и сейчас, хотя Григорий Сергеевич давно оставил Мариинский театр из-за ссоры с новой администрацией. Он посчитал их временщиками и предрек скорый конец труппе, если позиция «командования» не изменится. И оказался прав: через полгода после его ухода балетная труппа и в самом деле оказалась на грани развала, так как почти все именитые балерины и танцовщики разбежались кто куда. Рита знала, что отец приложил к этому руку, предложив людям работу в своем новом театре. Конечно, Мариинка — это имя, но и Синявский — тоже!

— Папа взялся за новый проект, — начала она под пристальным немигающим взглядом Байрамова. — Балет под названием «Камелот». Его финансируют французы. Шоу дорогостоящее, и папе нужны лучшие кадры, поэтому он попросил меня пригласить тебя танцевать Ланс...

— Я больше не танцую, — резко оборвал ее Байрамов. — И твой папаша об этом прекрасно знает. Меня удивляет, что ты вообще появилась здесь с подобным предложением!

— По-моему, с ногой у тебя все отлично, — возразила Рита. — И я слышала, что ты успешно прошел несколько курсов реабилитации...

— Ах, вот как, ты *слышала*! Что ж, теперь я хожу без трости, и нога больше не болит, но я не танцую — и точка. Кроме того, будь у меня выбор, я все равно не пошел бы к Синявскому. Возвращайся к папочке и скажи, что опять не смогла стать хорошей девочкой и выполнить высочайшее

повеление. Напомни ему, что есть люди, которые не обязаны дрожать от счастья только потому, что дышат одним воздухом с *великим* Григорием Синявским!

Его рот кривился, буквально выплевывая слова ей в лицо.

Выйдя, вернее, пулей вылетев из помещения, Рита бросилась к выходу. Охранники с удивлением наблюдали, как она почти бегом пересекла зал и выскочила на улицу, забыв забрать из гардероба шубу. Пришлось вернуться, но сделала она это с неохотой, лишь почувствовав, что десятиградусный мороз кусает ее за открытые части тела. Рита оставила авто на платной стоянке в двух кварталах от «Океана», потому что стоянка клуба предназначалась только для постоянных клиентов, и весь путь до машины проделала бегом. Она задыхалась от злости и обиды: как мог Байрамов разговаривать с ней в подобном тоне? Откуда в нем столько ненависти — где бы он был, если бы не ее отец?!

Восемь лет назад произошло нечто, что навсегда развело Григория Синявского с его любимым учеником. В балетной среде об этом не распространялись, данная тема представляла собой одно из многочисленных «табу», связанных с громкими именами. Однако СМИ в свое время вдоволь насладились моментом, раздув из случившегося сенсацию. Игорь Байрамов пропал не только со сцены, но и выпал из жизни всех, кто его близко знал. Он стал жертвой дорожной аварии, сев за руль в пьяном виде. В то время Рита жила за границей и собиралась там остаться, выйдя замуж за человека, который, как ей тогда казалось, способен залечить ее душевные раны, оставшиеся от романа с Байрамовым. По телевидению промелькнул сюжет о том, что всемирно известный

солист Мариинки разбился на машине, и она не поняла, выжил он или нет. Рита помнила, как бросилась к телефону, чтобы позвонить матери, но трубку никто не снимал, и она с ума сходила от беспокойства. Только на следующий день ей удалось поговорить с мамой, и та сообщила, что Игорь действительно серьезно пострадал, но, к счастью, жив. Она просила Риту ни в коем случае не приезжать, но та, не послушавшись, бросила все и прилетела в Питер. Байрамов четверо суток пролежал в коме, и Рите так и не удалось с ним увидеться. Тем не менее обратно она улетела только тогда, когда врачи объявили, что его жизнь вне опасности. О том, сможет ли он вернуться на сцену, не шло и речи. Рита отправлялась в Лондон с тяжелым сердцем. Сходя с трапа самолета в аэропорту Хитроу, она понимала, что у ее планируемого брака нет будущего: чувства к Игорю ничуть не остыли, и ее собственная реакция на то, что с ним случилось, лишней раз это доказывала. Однако потребовалось время, чтобы собраться с духом и сказать Мэтту, что свадьбы не будет. Вернувшись домой, Рита узнала, что Игорь на реабилитации в Израиле. Никому ничего не сказав, она рванула туда... Это была самая большая ошибка в ее жизни. До сих пор, вспоминая о своем недуманном шаге, Рита испытывала стыд. Утешало лишь то, что Байрамов так и не узнал о ее визите!

И вот теперь он разговаривает с ней так, словно она в чем-то перед ним провинилась. Да как он смеет?! Почему отец поручил это дело ей? Синявский и Байрамов давно прекратили всякое общение, но она не вдавалась в подробности, почему — в душе и так осталось слишком много шрамов, чтобы рисковать получить новые. Рита всегда поражалась тому, как эти двое находили

общий язык — столкновение амбиций и сильных характеров обычно исключает близкое общение. Тем не менее много лет отец и Игорь были неразлучны. Рите иногда казалось, что Байрамов — родной сын Синявского, а ее с братом и сестрой взяли из детдома! Но она точно знала, что это не так. Отец отправил ее к Игорю после стольких лет именно потому, что знал: Байрамов не станет разговаривать с ним. Возможно, размышляла Рита, Игорь считал, что Синявский его предал? Но что мог поделать отец, если Байрамов потерял способность танцевать? В конце концов, именно его, Игоря, глупость привела к такой развязке, ведь это он сел за руль нетрезвым!

Рите предстоял тяжелый разговор с отцом, и она не торопилась трогаться с места, без движения сидя в своем «Фольксвагене», уставившись в грязное пятно на ветровом стекле, оставленное в ее отсутствие проказливым голубем. Григорий Синявский любит, чтобы все происходило в соответствии с его желаниями, и не терпит провалов. Недоброжелатели упрекали его в уверенности, что мир вращается вокруг него, поклонники и ценители искусства полагали, что гений имеет право на любую придурь. Даже уйдя со скандалом из Мариинского театра, он не стал менее популярен. Администрация обвиняла его в неуживчивости и мании величия, в то время как он успешно творил за границей. Потом Синявский вернулся в Россию и основал собственную балетную школу и труппу. Рита никогда не задумывалась над тем, где он взял деньги на столь дорогостоящее предприятие. За время работы за рубежом Синявский отошел от классического репертуара. Он оказался неплохим бизнесменом и понял, что классика уже далеко не так популярна, как двадцать лет назад.

Он создал собственный стиль, смешав различные танцевальные жанры, и вернулся на родину не побежденным, как надеялись его недруги, а триумфатором. Он привык к тому, что его слово последнее и решающее. В семье его авторитет столь же непререкаем, как и в его труппе. И вот теперь Рита должна сказать отцу, что Игорь Байрамов *не желает* иметь с Григорием Синявским никаких дел и предпочитает обучать стриптизерш, нежели принять предложение участвовать в проекте, за право быть частью которого большинство танцовщиков отдали бы все на свете!

Глава 2

Как и ожидалось, отец рвал и метал, когда Рита передала ему ответ Игоря. Он не стеснялся в выражениях, хотя в помещении присутствовали вся труппа и один из французских инвесторов с дочерью. Последний недостаточно хорошо говорил по-русски, зато девушка прилично владела языком и оказалась в состоянии понять ненормативную лексику, которая так и сыпалась из Синявского мелкой дробью.

— Ты должна была не просто найти Байрамова, но и притащить его сюда... Да хоть волоком! — вопил он, и жилы на худой шее директора театра вздувались, словно канаты. — Ты *ничего* не можешь довести до конца!

Краем глаза Рита видела, что большинству присутствующих откровенно неудобно быть свидетелями «семейной» сцены. Лишь на нескольких женских лицах читалось злорадное удовлетворение: как и в хореографическом училище, у Риты в труппе были соперницы (даже несмотря на то что

она не танцевала!), и им доставляло удовольствие наблюдать за тем, как Великий и Ужасный устраивает разнос собственной дочери. Повернувшись лицом к замершей труппе и опешившим французам, Синявский заявил:

— В общем так: либо в проекте участвует Байрамов, либо *не* участвую я. Этот засранец — единственный, кто способен станцевать партию так, как я ее вижу. Мне плевать, как вы это сделаете, но без Байрамова не будет «Камелота»!

С этими словами он вылетел из зала, громко хлопнув дверью. Труппа загудела как пчелиный улей. Многие из танцовщиков не входили в постоянный состав и были набраны по конкурсу специально для участия в проекте, которому еще до начала репетиций прочили большой успех и огромную кассу. Велись переговоры о прокате шоу в странах Евросоюза и США, и вся затея могла сорваться из-за одного несговорчивого участника! Для постоянной труппы, впрочем, трагедия не имела огромных масштабов, но для остальных случившееся означало, что придется утереться и отправиться восвояси в поисках другой работы. Рита все это понимала, поэтому с жалостью смотрела на молодых мужчин и женщин, которые, несомненно, считали ее главной виновницей свалившегося на них несчастья.

Леон Серве, французский инвестор-меценат, присутствовавший во время скандала, подошел к Рите. Его дочь Жаклин поспешила присоединиться, чтобы помочь с переводом, но Рита и сама отлично владела французским, поэтому помощи не требовалось.

— Я не ослышался, это не тот ли Байрамов, который разбился восемь лет назад?

— Тот самый, — вздохнула Рита.

— И мсье Синявский хочет, чтобы он... *танцевал*? — уточнил француз.

Она кивнула, но, заметив недоумение в глазах собеседника, спохватилась:

— На самом деле он не разбился. Игорь жив и здоров и работает... в одном танцевальном шоу.

Отец и дочь переглянулись. Рита чувствовала себя неудобно. Жаклин — интеллигентная молодая женщина, разбирающаяся и в искусстве, и в хороших манерах, поэтому Рита внутренне краснела при мысли, что отец позволил себе в ее присутствии непечатные выражения. Уж Леон-то ни за что не повел бы себя подобным образом!

— Вы понимаете, Рита, — по-русски начала Жаклин, — наше шоу *рассчитано* на вашего отца. — В речи француженки присутствовал легкий акцент, придававший ей пикантности. Она не коверкала слова и почти не делала ошибок в грамматике. — Имя Григория Синявского и его талант обеспечивают кассовые сборы! Под эти гарантии мы убедили других инвесторов вложить средства в проект. Если ваш отец откажется участвовать, то, так как он подписал контракт, ему придется выплатить колоссальную неустойку. Кроме того, пострадают люди, которых мы набрали для участия в шоу. Вы должны убедить его изменить решение или заставить Игоря Байрамова принять предложение. Вы же юрист и сами все понимаете, верно?

Рита понимала, но не видела выхода из создавшейся ситуации. Она ни за что на свете не пойдет снова к Байрамову, даже если ее предать вечной анафеме!

— Плохи наши дела, да? — услышала она голос за спиной и обернулась. Это оказался Митя Строганов, премьер труппы, который, один из немногих, понимал ее положение. Его голубые

глаза участливо смотрели на Риту, а улыбка была печальной.

— Я знаю папу, — вздохнула она. — Без Байрамова не будет «Камелота».

Митя помолчал с минуту, а потом вдруг сказал:

— Дай мне адрес этого клуба, я попробую уговорить его.

— Ты что! — воскликнула Рита. — Он не желает даже слышать имя отца, он не станет с тобой разговаривать!

Танцовщик слегка подмигнул правым глазом.

— Это тебе неудобно его упрашивать, — сказал он. — Сама знаешь, мы переживаем не лучшие времена, нам нужны деньги и это шоу! Иначе многим придется туго. Я пойду к нему и стану умолять, я готов унижаться, если это поможет делу. В конце концов, у Игоря есть право обижаться на Григория Сергеевича.

— Право? — переспросила Рита. — Какое такое право, Митя?

— Ну, это их дела, а мое дело — вернуть Игоря в коллектив, — уклончиво ответил тот. — Так ты дашь мне адрес или нет?

Возвращаться домой в этот вечер Рите не хотелось. Она жалела, что поддалась на уговоры матери и сдала однокомнатную квартиру, доставшуюся ей после бабушкиной смерти. Рита намеревалась жить там сама, но мама, скучавшая по разъехавшимся в разные края старшим детям, хотела, чтобы хотя бы младшая оставалась с родителями. В данную минуту Рита завидовала сестре Катерине, которая работала в небольшом английском университете недалеко от Манчестера, была погружена в проблемы химии тяжелых металлов и своей собственной семьи, в которой росли трое мальчишек, почти не говорящих по-

русски. Она звонила родителям раз в два-три месяца и по праздникам. Брат Михаил жил не так далеко, в Токсово, но навещался домой редко, так как имел жену и любовницу, которым требовалось в равной степени уделять время, и на отца с матерью его почти не оставалось. Поэтому Рита оказалась единственной, кто должен вставать на сторону матери, когда они с отцом ссорились, а случалось это регулярно. Наталья Ильинична, Ритина мама, женщина с сильным характером — другая просто не смогла бы выносить Григория Синявского вот уже в течение тридцати пяти лет. Бывшая балерина, она отказалась от карьеры ради мужа, который сказал, как всегда, безапелляционно: «Лучше быть хорошей домохозяйкой, чем плохой балериной», и занялась воспитанием детей и обустройством семейного быта. В доме все делалось для удобства Григория Синявского, его решения не обсуждались и не оспаривались. Возможно, поэтому, думала Рита, идя по заснеженной улице от стоянки, где оставила на ночь свой «Фольксваген», ее сестру и занесло в такую даль, и брат так редко навещался к родителям. Им надоело вытягиваться по струнке при появлении отца, соответствовать его собственным понятиям об успешной жизни и карьере и видеть мать постоянно старающейся ему угодить. Только Рита так и не сумела оторваться от родителей, а возможно, просто не успела: к тому моменту, как она начала осознавать свою самостоятельность, старшие уже разбежались, и совесть не позволила ей последовать их примеру.

Проходя мимо витрины универмага, расположенного на первом этаже ее дома, Рита на мгновение задержалась. Из зеркальной глубины на нее смотрела молодая женщина, высокая и стройная,

с пепельно-русскими волосами, собранными в роскошный «конский хвост» и удлинённым овальным лицом. Такие лица можно увидеть на русских иконах или картинах Ильи Глазунова, но их несовременная, неброская красота как-то не вписывается в бешеный ритм теперешней жизни. Наверное, ей все-таки следовало выйти замуж за Мэтта... Он восхищался ею, считал красавицей и гордился, представляя друзьям и коллегам. Мэтта ждало блестящее будущее в фирме дяди, занимающейся водолазным снаряжением, а Рита стала бы наконец самостоятельной! Но нет, в дело, сам того не подозревая, вмешался Игорь Байрамов и все разрушил. Рита хотела ненавидеть его, но понимала, что сама сделала выбор, а сейчас пытается кого-то обвинить в собственных несчастьях.

За ужином отец почти не разговаривал, его общение с женой сводилось к просьбам передать хлеб или налить еще чаю. На дочь он даже не глядел, словно она и не присутствовала за столом. Покончив с едой, Григорий Сергеевич заперся в кабинете и не выходил до тех пор, пока женщины не отправились спать. Рита рассказала матери о том, что произошло днем между ней и отцом и о своем разговоре с Байрамовым. Выслушав возмущенную тираду дочери о хамском поведении последнего, Наталья Ильинична рассмеялась.

— Узнаю Игорька, — сказала она. — Ему палец в рот не клади! Если и есть кто-то, кто не боится твоего папу, так это он. Они частенько ругались в пух и прах, но приходил мириться первым всегда твой отец.

Слова матери явились откровением для Риты. Она редко присутствовала при общении Байрамова и Синявского, а когда это случалось, Игорь беспрекословно подчинялся указаниям учителя.

— Да-да, котенок, — улыбнулась Наталья Ильинична, заметив вопрос в глазах дочери. — Одно дело, когда они общались как балетмейстер и танцовщик, а другое — как мужчина с женщиной. У обоих бешеный темперамент, когда они спорили, проводка перегорала! Боюсь, на этот раз твоему отцу придется туго: об этот орешек он может зубы обломать.

Раз уж разговор приобрел столь откровенный характер, Рита решила задать мучавший ее вопрос:

— Мама, за что Игорь ненавидит папу? Когда я разговаривала с ним, в нем чувствовалась такая злоба, что становилось не по себе.

Мать покачала головой.

— Что-то случилось, как раз перед аварией, после которой Игорь ушел из балета, — задумчиво ответила она. — Твой папа мне не рассказывал, но, похоже, дело серьезное. Да ты и сама помнишь, как он залился, когда при нем упоминали имя Игоря!

Рита не забыла. Не забыла, как, вернувшись из Англии, спросила у отца про Байрамова, и как тот разъярился и заорал, что знать не знает об этом человеке и что через месяц все остальные тоже забудут о том, что существовал такой танцовщик. Он кричал, что если бы не он, Григорий Синявский, вообще не было бы никакого Байрамова, и что только бешеная собака кусает кормящую ее руку.

В какой-то степени он прав. Никому не известный мальчик из Баку никогда, скорее всего, не стал бы знаменитым Игорем Байрамовым, если бы много лет назад Григорий Синявский не поехал в гости к школьному приятелю и не попал по чистой случайности на детский фольклорный концерт. В тот момент, когда он вошел в зал, на сцене лихо отплясывал восьмилетний вострогла-

зый пацанчик в национальном азербайджанском костюме. В том танце отсутствовало даже само понятие о технике, но в движениях сквозила такая природная грация, такой интуитивный подход к исполнению фигур, какие встречаются крайне редко. Разумеется, Григорий Синявский не смог пройти мимо. Выяснилось, что у мальчика большая семья: помимо него у отца с матерью еще шестеро детей. Мать оказалась русской, отсюда и имя «Игорь»: старшие сыновья имели азербайджанские имена, и отец согласился, чтобы самого младшего назвали в честь русского тестя. Жили они бедно, поэтому, недолго посоветовавшись, согласились отправить сына в Петербург, где он мог чего-то добиться. Родители понимали, что Игорю будет лучше с Синявским. Кроме того, отпадала необходимость кормить лишний рот, ведь заезжая знаменитость обязалась взять расходы по пребыванию ребенка в Питере на себя. Мать и сестры немного поплакали, провожая паренька в дальний путь, и он благополучно отбыл в Северную столицу России. Балетное училище по сути своей являлось интернатом, но Синявский решил поселить юное дарование у себя дома. Кроме того, возникла проблема: Игорю едва-едва исполнилось восемь, а в училище принимали только с девяти лет. По требованию Григория Сергеевича было сделано исключение из общепринятых правил. Мальчишка оказался на удивление трудоспособным, схватывал все на лету и, казалось, был лишен понятия об усталости. Синявский искренне восхищался новобранцем и говорил, что тот обладает «сиянием». Это слово по отношению к танцу изобрел сам балетмейстер и всех балетных делил на тех, у кого «сияние» есть, и тех, у кого оно отсутствует. Синявский признавал, что хорошо тан-

цевать можно и без него, но не сомневался, что стать великим танцовщиком или балериной может лишь тот, кто им обладает. Десять лет Игорь и дети Григория Сергеевича жили бок о бок, и Синявский привык считать парня членом семьи. Он и представить не мог, что в один прекрасный день все изменится! Узнав о романе младшей дочери и Игоря, Григорий Сергеевич пришел в ярость. Причем злился он не на своего подопечного, а на собственную плоть и кровь, считая, что она мешает карьере Игоря. В течение полутора лет отношения молодых людей с Синявским были весьма натянутыми, и он настаивал на разрыве. Игорь был не готов расстаться с Ритой, и в конце концов ей пришлось взять инициативу на себя. Она отлично сознавала, что отец вполне может устроить Байрамову обструкцию, лишив его и собственной поддержки, и карьерных перспектив. Рита также понимала, что для Игоря танцевать гораздо важнее, чем все остальное в жизни, только сам он ни за что не уступит — не потому что не боится все потерять, а лишь потому, что не выносит давления. Рита сказала Игорю, что между ними все кончено. Она не потрудилась объяснить свои мотивы, понимая, что они его не устроят. Снова все получилось так, как хотелось Синявскому, но он и не подумал оценить поступок дочери: то, что для нее выглядело как самопожертвование, ему казалось торжеством здравого смысла!

Так что, думала Рита, у ее отца есть все основания считать, что без него Игорь Байрамов никогда не стал бы тем, кем стал. Он вложил в него столько душевных и физических сил, сколько не доставалось ни одному из его воспитанников, а Игоря никто не назвал бы неблагодарным. Почему же горячая любовь переросла в жгучую ненависть?

На следующий день Рита не пошла в театр: ведя дела отца по новому проекту, как юрист и переводчик, она старалась пореже наведываться в его вотчину, так как ее нервы с трудом выдерживали царившую там обстановку. Труппа боялась Синявского как огня. С замиранием сердца танцовщицы следили за выражением его лица, пытаясь предугадать, кому достанется на этот раз. Он был «безжалостен до жестокости и талантлив до гениальности», как охарактеризовала его в каком-то интервью одна из бывших коллег, прима Мариинки Ксения Егорова. Она вспоминала, как, будучи его ученицей, стояла вместе с другими девочками, опустив глаза от страха и стараясь слиться с окружающей средой, только бы цепкий взгляд балетмейстера не нащупал в ней слабинку. Он любил прицепиться к кому-нибудь со словами типа:

— Я подумываю о том, чтобы перенести действие «Лебединого озера» куда-нибудь в Центральную Африку, тогда «Танец маленьких лебедей» можно с чистой совестью переименовать в «Пляску маленьких гиппопотамов». С каких это харчей, мадам, вы так разъелись, что партнер не в состоянии вас поднять? Может, вам стоит подумать о драме, где вес не имеет значения? Офелию вам не играть, но вот на роль няньки Джульетты — прямо хоть сейчас. Уж не беременны ли вы часом, дорогуша?

И так далее, и тому подобное. Говорил он все это хрупким девушкам весом в сорок килограммов, доводя их до истерики. Они сидели на строгих диетах, падали в голодные обмороки, репетировали до изнеможения, но на сцене выглядели обворожительно! Однако вечером Рита испытала шок: придя домой, отец, сияя, вручил матери букет белых роз и поставил на стол бутылку

«Мерло». Приобняв дочь за талию, он поинтересовался, чем она весь день занималась, лишив ее дара речи. Наталья Ильинична, не менее Риты удивленная подобной сменой настроения, поинтересовалась, что такого произошло, что привело ее мужа в столь прекрасное расположение духа.

— У нас *есть* Ланселот! — с торжествующей улыбкой ответил Григорий Сергеевич. — Байрамов согласился!

Неужто Мите и в самом деле удалось уломать Игоря?! На следующий день, едва дождавшись обеденного часа, Рита стремглав бросилась в театр. Она попала в перерыв, устроилась в темном зале. Глядела на сцену, где в расслабленных позах сидели или стояли члены труппы. Байрамов расположился с краешка, скрестив ноги по-турецки, а Жаклин Серве растирала ему плечи. Еще два дня назад они даже не были знакомы! Судя по выражению лица Игоря, он пребывал в нирване и не заметил прибытия Риты. Зато заметил Митя. Он подошел и подмигнул, плюхаясь рядом на сиденье.

— Как тебе удалось? — только и смогла спросить она.

Парень загадочно покачал головой.

— Еще один мой талант! — рассмеялся он. — Когда выйду в тираж, займусь дипломатией. Но, — заметил он уже без улыбки, — надо сказать, пришлось нелегко. К счастью, у Игоря при наличии множества недостатков есть совесть, и я к ней воззвал.

Рита посмотрела в веселые голубые глаза Мити. Они так непохожи с Байрамовым, но считаются друзьями. Митя — неконфликтный, милый, добродушный, его в труппе любят. Даже его внешность — светлые волосы, мягкие линии лица — говорит о хорошем характере, который трудно сохранить в

балетной среде. Когда Синявский со скандалом ушел из Мариинки, именно Митя первым последовал за ним. Он пожертвовал состоявшейся карьерой, чтобы с нуля начать со своим учителем. Не проиграл, но ведь он здорово рисковал!

Игорь Байрамов, напротив, весь состоит из острых углов: яркий и стремительный, он не доказывает, что он — лучший, а просто им является, и с этим никто не может спорить. Друзей у него мало, но есть удивительная способность наживать врагов. Зато никто не остается равнодушным. Если кто-то нравится Игорю, это сразу очевидно, если нет — тоже. Его ненавидят, им восхищаются, ему поклоняются. Все это он принимает с олимпийским спокойствием человека, знающего себе цену. Как такие разные люди могут быть друзьями? Но даже Митя не настолько близок к Байрамову, чтобы тот поставил его в известность о своей жизни после исчезновения со сцены.

Громко хлопнула дверь в правой кулисе — так Григорий Синявский предупреждал о своем появлении. Все подобрались, готовые к «бою». Жаклин спустилась в зал и, заметив Риту, направилась к ней. Григорий Сергеевич находился в приподнятом настроении, поэтому лишь слегка «куснул» некоторых своих подопечных и приступил к репетиции. Рита знала, что у труппы всего четыре месяца на то, чтобы выпустить спектакль, сроки жестко установлены инвесторами, поэтому график репетиций очень плотный. Сюжет «Камелота» строился на произведениях Томаса Мэллори, но в целом включал всего одну сюжетную линию, по которой король Артур представлял объединителем Британии, великим и мудрым правителем, а Ланселот, его главный соратник и друг, являлся выразителем мнения простого народа. Несмотря

на возражения французского автора, работавшего над сценарием шоу, решено было ввести любовную линию между женой короля Гвиневрой и Ланселотом. Таким образом, роль Байрамова расширилась, и он фактически стал главным действующим лицом представления. Партию Артура, значительно урезанную Синявским, исполнял Дмитрий Строганов, роль королевы отводилась молодой приме. Масштабность проекта представлялась невероятной: костюмы шил знаменитый московский модельер Никита Волков, декорации заказали в Японии. Кроме того, предполагалось широко использовать компьютерную и световую технику. Но ключевым звеном оставались исполнители и Григорий Синявский, которому предстояло сделать из проекта долгоиграющий хит. В процессе ему пришла идея использовать в шоу элементы риверданса, самым ярким исполнителем которого считается американец ирландского происхождения Майкл Флэтли. Сегодня как раз репетировалась сцена с ривердансом. Ланселот танцует с королевой и крестьянами на сельском празднике, а Артур, подогреваемый недругами рыцаря, сгорает от ревности. По сюжету крестьянские девушки пытаются заставить Ланселота потанцевать с ними, он соглашается. Потом к ним присоединяется королева, но король упорно отказывается от приглашения. В конце концов Гвиневре удается увлечь короля танцем. Он на короткое время забывает о нашептываниях врагов и возвращает свое расположение Ланселоту.

Музыка, использованная в отрывке, нравилась Рите: она навевала мысли о зеленых полях и пастбищах, о спокойной и размеренной сельской жизни и в то же время была заразительно веселой и жизнерадостной. Начинали танец две девуш-

ки, по ходу к ним присоединялись группами еще несколько, после чего вступали мужчины. В ривердансе главным элементом являются движения ног, набор сложных элементов, направленных на нижнюю часть тела, тогда как верхняя должна оставаться неподвижной.

Рита любила наблюдать за отцом в процессе работы, особенно в минуты его хорошего настроения и вдохновения. Он выглядел увлеченным, четко очерчивал движения и комментировал каждый жест, расставляя акценты, ведь в искусстве, лишенном слов, пластика является единственным выразителем чувств и эмоций. В такие моменты Синявский не был отцом, на которого она могла обижаться или злиться. Он был создателем *волшебства*, и вся труппа казалась единым организмом, который беспрекословно подчинялся каждому импульсу своего «мозга» — Григория Синявского.

Что-то не получалось, и Рита видела, что отец начинает закипать. Он несколько раз прерывал танец в момент вступления Байрамова. Рита не могла понять, что не устраивает Григория Сергеевича, и внимательно наблюдала за движениями Игоря, в особенности за тем, как он орудует травмированной ногой, но ничего не замечала. Ей казалось, что все идеально, а поддержки — просто колоссальны по исполнительскому мастерству. Так же думала и сидящая рядом Жаклин, но балетмейстер рвал и метал.

— Что, черт возьми, у тебя с ногами? — вопрошал он, ударяя Игоря носком по лодыжке. — Ты словно на костылях! Если не готов танцевать, так и скажи!

Рита видела, как заходили желваки у Байрамова, как вся его стройная жилистая фигура на-

пряглась, словно он вот-вот бросится на отца. Но Игорь ничего не сделал и даже не сказал, лишь сжал зубы и продолжил выполнять требования. Напряжение постепенно спало. Рита не знала, сколько времени зачарованно наблюдала за происходящим, но, случайно взглянув на часы, спохватилась: ей давно надо быть в конторе! Правда, никто ничего не скажет, ведь она сама себе хозяйка. Несколько лет назад шесть женщин-адвокатов решили объединиться в одно агентство, и Рита оказалась в их числе. Они наработали базу данных и специализировались в различных областях права. Нельзя сказать, что жировали, но на кусок хлеба с маслом зарабатывали. Так что Рита могла позволить себе опоздать.

Вечером отец позвонил часов в восемь и попросил заехать в театр. Рита удивилась: почему не обсудить дела дома? Идя по коридору к отцовскому кабинету, она услышала крики:

— Напрасно ты считаешь себя незаменимым! — гремел голос Синявского. — Да, я настаивал на твоём участии, но если начнешь мне разваливать труппу, то я вышвырну тебя вон! Вернешься к своим «балеринам» в стрингах, которые только и умеют, что сиськами перед богатыми мужиками трясти! Если повезет, найдешь себе спонсоршу с толстым задом! До твоего появления ребята и слова мне не говорили, просто делали свою работу, а теперь, вишь, огрызаются — как же, такой пример перед глазами... Так вот что я тебе скажу: может, восемь лет назад ты и представлял из себя *что-то*, но сейчас ты — ноль без палочки. Я хотел наладить отношения, думал, поймешь и умеришь спесь, но нет, — мы такие гордые, нам палец в рот не клади! Не забывай, где бы ты был, если бы не я!

— А ты не забывай, где бы *ты* был без *меня*! — услышала она голос Байрамова, походящий на шипение разозленной змеи. — Не смей повышать на меня голос в присутствии остальных, я не твой лакей! Хотел успокоить больную совесть, пригласив меня, но не желаешь признать, что это *ты* нуждаешься во мне, а не наоборот! Я не позволю снова разрушить мою жизнь, так и знай. Можешь измываться над другими, а я не твой мальчик для битья. Мне есть что рассказать, если ты меня вынудишь!

Хлопнула дверь, и спустя несколько мгновений мимо Риты пронесся Байрамов. Она вжалась в стену, и в темноте коридора он ее не заметил. *Никто* не смел так разговаривать с Григорием Синявским. Она не могла прийти в себя: о чем, собственно, шла речь? Какие такие тайны связывают отца и Игоря?

Она выждала несколько минут и лишь потом вошла в кабинет: отец не должен заподозрить, что она стала свидетелем их с Байрамовым разговора. Если, конечно, можно назвать разговором эту отвратительную ссору! Григорий Сергеевич сидел за столом, курил свою любимую сандаловую трубку и казался скорее задумчивым, нежели рассерженным.

— Есть работка для тебя, — сказал он, не тратя времени на приветствия. — Я еще раз внимательно прочел контракт — в той части, где говорится о сроках. Мне кажется, тут можно что-то сделать, как считаешь?

Сроки?! Неужели отец для этого заставил ее тащиться через весь город, неужели нельзя было подождать до дома? Но, как обычно, Рита не стала спорить и послушно уселась за отцовский стол. Сам отец отошел, чтобы отрегулировать темпе-

ратуру электрического камина, занимавшего почти всю стену. Рабочая часть была небольшой, но портал представлял собой тяжелую мраморную громаду, которую Синявский в свое время специально заказывал в Италии. Рита с трудом заставила себя отвести взгляд от искусственных язычков пламени, весело пляшущих за стеклом, и погрузилась в чтение.

Глава 3

В течение последующих месяцев все вроде бы устаканилось. Между Байрамовым и Синявским время от времени происходили стычки, к которым постепенно все настолько привыкли, что начинали удивляться, когда несколько дней подряд эти двое не собачились. Несмотря на постоянное недовольство директора театра, уже сейчас стало видно, насколько феерическим обещает быть шоу, насколько артисты преуспели в своем мастерстве и сплотились в желании сотворить на сцене чудо. Рита старалась без надобности не посещать репетиции, так как это грозило встречами с Игорем. Не то чтобы это было ей неприятно, но она с некоторых пор начала замечать, что Жаклин проявляет к Байрамову повышенный интерес. Когда Рита случайно заставала парочку мирно беседующей в перерыве или смотрела им вслед, когда они, держась за руки, выходили из театра, ей хотелось догнать Байрамова и вцепиться в его красивую холеную физиономию ногтями. Она отлично знавала, что испытывает банальную ревность, но ничего не могла с этим поделать.

Со спектаклем же все шло как нельзя лучше. Они успевали в срок, уже были доставлены деко-

рации, от которых пришли в восторг решительно все, включая Синявского. Костюмы проходили последние примерки и испытания в движении, ведь ничто не должно стеснять танцовщиков во время выступления. За весь период лишь одно маленькое событие немного обеспокоило Риту. Как-то она засиделась в отцовском кабинете допоздна. Зазвонил телефон, и она сняла трубку. На другом конце провода приятный мужской голос осведомился, с кем он говорит. Она ответила, что с адвокатом Григория Синявского.

— Тогда, полагаю, вы в курсе того, что срок возврата долга истек месяц назад, — сказал незнакомец. — Господин Синявский не дает о себе знать, и мы решили сами напомнить о себе.

— Простите, кто это «мы»?

— Господин Синявский знает.

Рита понятия не имела, о каком долге речь, так она и сказала звонившему, на что он ответил:

— Мы допускаем, что Григорий Сергеевич решил не посвящать вас в это дело, но данный факт ничего не меняет.

Ее слух снова резануло это «мы» — уж больно зловеще оно прозвучало.

— Прошу вас передать господину Синявскому, — продолжал между тем мужчина, — чтобы он завтра же связался он знает с кем, иначе, боюсь, может возникнуть *деликатная* ситуация.

В трубке раздались короткие гудки, а Рита кинулась к отцу с докладом. К ее удивлению, он не выглядел ни расстроенным, ни обеспокоенным, а сказал, чтобы она не забивала себе голову ерундой, и что он завтра же разберется с этим вопросом. Тем не менее, несмотря на вежливость незнакомца, у нее остался от разговора неприятный осадок.

Через несколько дней отцу пришлось отправиться по делам в Москву. Встал вопрос о руководстве труппой в отсутствие Синявского. Он никогда не имел заместителя. Рита не удивлялась, ведь это означало бы разделение обязанностей, следовательно, и авторитета. А двух «генералов» в одном театре быть не могло! В труппе работали несколько репетиторов, но ни один из них не мог полноценно заменить художественного руководителя. Рита предложила отцу кандидатуру Мити Строганова, но Синявский сказал, что все уже улажено: пока он в Москве, во главе постановки встанет Байрамов. Он уехал, наказав дочери каждый день звонить с отчетом о том, как идут дела. Так что, несмотря на нежелание ежедневно сталкиваться с Игорем, Рите пришлось смириться.

В первый же день она почувствовала, насколько свободней и доброжелательней стала обстановка в театре без отца. Байрамов оказался не менее суров в роли руководителя, но не тираничен, и все это оценили. Труппа не то чтобы расслабилась, а как-то оттаяла: то и дело слышались смех и забавные комментарии к происходящему. А самое интересное, что это не отразилось на усердии танцовщиков. Игорь требовал от них не меньше, чем Великий и Ужасный, но обращался с ними как с профессионалами, не переходя на личности. В этом и состояло главное различие в их методах руководства. Само собой, в телефонных беседах с отцом Рита оставляла свое мнение при себе и лишь сухо излагала факты. В последующие несколько дней у нее почти не было времени заниматься театром, так как навалились два процесса по основной работе, и она чуть ли не ночевала в суде. Ее главным «осведомителем» в этой ситуации стал Митя. Они очень сблизились, и Рите

даже начало казаться, что Митя испытывает к ней не только дружеский интерес. Что ж, он симпатичный, забавный, доброжелательный и вполне может составить достойный противовес отношениям Байрамова с Жаклин, которые, судя по всему, заходили все дальше. Если с Игорем Рита находилась в постоянном напряжении, подсознательно вынужденная занимать оборонительную позицию, то с Митей все обстояло иначе, просто и спокойно, без подводных течений.

Однако на третий день, сняв трубку, Рита не узнала Митин голос.

— У нас ЧП! — сбивчиво заговорил он. — Не понимаю, как так получилось, наверное, рабочие напортачили...

— Да что случилось-то? — встревожилась она.

— Понимаешь, наверное, его плохо закрепили...

— Что закрепили? — начала терять терпение Рита. — Говори толком, ты меня пугаешь!

— Прожектор этот дурацкий! — заорал вдруг Митя в трубку. — Он рухнул во время репетиции, когда на сцене была куча народу!

— Есть пострадавшие?! — похолодела она.

— Несколько, — вздохнул Митя. — Да ты не паникуй, ничего особо серьезного...

— Что значит «ничего серьезного»?

Митя замялся.

— Двое статистов получили травмы, — сказал он наконец. — И Игорь. Его реакция спасла: видимо, услышал треск и успел отскочить, но все равно его задело по плечу и по ноге. Всех троих увезли в больницу. Я решил, что ты захочешь...

— В какой он... они больнице? — перебила Рита.

— Святого Георгия, на Поклонке.

В пути до больницы в воображении Риты возникали картины, одна страшнее другой. Отец

оставил ее за старшую. Рита должна была за всем присматривать, а вместо этого неизвестно чем занималась!

Влетев в приемный покой, она кинулась к дежурной медсестре:

— К вам доставили недавно троих с травмами, где они?

Девица лет двадцати окинула Риту взглядом уставшей от жизни женщины. Ей, наверное, казалось, что нет на свете более беспокойных людей, чем друзья и родственники пациентов. В этот самый момент она мазала кроваво-красным лаком ноготь на мизинце, и появление посетительницы отвлекло ее от этого важного занятия.

— Сюда привозят много кого, — фыркнула она. — Фамилии?

И тут Рита сообразила, что не знает ни одной фамилии, кроме байрамовской. Она даже не спросила у Мити, кто двое других!

— Одного зовут Игорь Байрамов, — сказала она тем не менее. — И... еще двое с ним.

Медсестра послунявила палец и начала листать толстую тетрадь. Зачем прямо перед ее носом стоит компьютер, если бедняжке приходится вести записи по старинке?

— Был Байрамов, — соизволила наконец ответить девица.

— Как его найти?

— Вона, врач дежурный их осматривал, — милостиво ткнула она пальцем в пробегающего мимо крупной рысью низкорослого паренька в белом халате. Рита рванула следом и настигла его, зажав в узком проходе, в который с трудом мог протиснуться и один человек. От неожиданности молодой врач выронил какие-то папки, и они в беспорядке упали на пол. Ругаясь как извозчик,

он принялся собирать документы. Рита помогала ему, одновременно задавая вопросы.

— Был Байрамов, — сказал врач, поднимаясь с коленок. — Ушел.

— Как — ушел? — изумилась она. — Он что, не пострадал?

Врач почему-то разозлился.

— Вы что, девушка, в самом деле! Думаете, к нам сюда здоровых привозят? Только он, как оклемался, вскочил — и деру! Такси вызвал с поста — и бывай здоров. А у него, между прочим, сотрясение средней тяжести и серьезные ушибы. Вот так все: убегают, как подорванные, а потом, кто виноват? Доктор виноват, не доглядел. Так доктор-то один, а вас, резвых таких, много!

Оставив молоденького эскулапа жаловаться на нерадивых больных, которые сами себе враги, Рита побежала к машине. Она не знала, огорчаться или радоваться тому, что Игорь не остался в больнице, но в одном не сомневалась: пока не увидит Байрамова собственными глазами, не избавится от чувства беспокойства.

Домик, в котором ныне обретался Игорь, оказался ничего себе: закрытая территория, охрана на стоянке, консьержка в подъезде. Охранник, правда, лишь молча окинул Риту тяжелым взглядом, зато пожилая консьержка вежливо поинтересовалась, к кому она направляется. Услышав ответ, консьержка спросила, ожидает ли ее «господин Байрамов».

— Вряд ли, — ответила Рита, которую допрос уже начал раздражать.

Тогда женщина, сохраняя на лице вежливо-приветливое выражение, попросила ее представиться, чтобы знать, как *доложить* о посетительнице. Миновав двойной кордон охраны, Рита

чувствовала себя как Штирлиц, прошедший собеседование в гестапо. Она поднялась на последний, двадцать четвертый этаж. «Однако! — подумала девушка, увидев просторный холл перед лифтом. — За стриптиз неплохо платят!» На стенах — зеркала и картины с видами города, на площадке — два журнальных столика и кресла для желающих покурить (тут же, на столиках, предусмотрительно разместились пепельницы). Дальше следовала стеклянная дверь в широкий коридор, где напротив друг друга располагались всего две квартиры. Одна из них, обитая коричневой кожей, судя по номеру, принадлежала Байрамову. Рита надавила на кнопку звонка. Долго никто не подходил, и она позвонила опять. Видимо, дверь была звуконепроницаемой, так как открылась внезапно и без предупреждения, потому что Рита не услышала звука приближающихся шагов. На пороге стоял Игорь. Из одежды на нем были только линялые джинсы, а щекой и подбородком он прижимал к ключице полиэтиленовый пакет со льдом. Вокруг пакета разливалась кровянистая синева. Живописную картину завершал пластырь, приклеенный над бровью.

— Чем обязан? — спросил Байрамов.

Она мягко оттеснила его и просочилась внутрь. Квартира представляла собой просторное помещение типа студии (метров сто тридцать, по скромным прикидкам), в котором почти не было мебели, отчего оно выглядело еще больше. Один угол комнаты срезан косым окном. Диван с прикроватным столиком у стены. На противоположной стене — плазменная панель. В целом квартира выглядела так, словно ее обставлял модный дизайнер, но самому хозяину при этом глубоко наплевать на уют.

Рите хватило беглого взгляда, чтобы оценить обстановку, и она вновь посмотрела на Игоря, который встал в дверном проеме, упершись в косяк здоровым плечом. Он не сел и не предлагал присесть ей, будто давая понять, что разговор не затянется.

— Как ты себя чувствуешь? — мягко спросила Рита, стоя на почтительном расстоянии: настороженно-враждебный взгляд его темных глаз предупредал, что приближаться не стоит.

— Так же, как выгляжу, — сухо ответил он.

— Так ужасно?

— Ты пришла, чтобы потом доложить папочке, в каком состоянии его *собственность*?

Зачем он так? Разве она виновата в том, что произошло, разве не могла прийти просто потому, что беспокоилась? Рита уже собиралась ответить грубостью и уйти, но, взглянув на лицо Игоря, поняла, что он сейчас рухнет на пол, и подскочила как раз вовремя, чтобы успеть его подхватить. Рита усадила Байрамова на диван, одновременно поправив подушки за его спиной. На лбу Игоря выступили крупные капли пота, и он с шумом выдыхал воздух из ноздрей.

— Тебе не следовало уходить из больницы, — заметила она, присаживаясь рядышком и внимательно глядя в его лицо. Но Байрамов не собирался терять сознание: он открыл глаза и попытался сфокусировать их на ней. Ему это удалось не сразу.

— Голова кружится? Тошнит?

Последовала пауза, а потом вялый кивок.

Поднявшись, Рита отправилась на кухню. Поднявшившись, Рита отправилась на кухню. Подоткрывав все шкафчики, она обнаружила залежи молотого кофе — пакетов шесть, не меньше. Это значило, что Байрамов все так же злоупотребляет кофеином, как и много лет назад. Рита схватила один пакет, включила конфорку и щедро насыпала

в турку четыре ложки с горкой, залив водой. Поставив посудину на огонь, она добавила еще столько же ложек сахара. Плита нагрелась мгновенно, и в турке начала подниматься пена. Ядреная масса, которую Байрамов именовал «кофе», была готова. Рита налила ее в чашку, больше напоминающую бульонницу, и поспешила обратно в комнату. Байрамову явно полегчало. Цвет лица уже не казался землистым, но он, по-видимому, чувствовал себя не лучшим образом, потому что принял из ее рук сосуд, не сделав попытки выплеснуть содержимое ей в лицо. После нескольких глотков «живительного» напитка, от одного запаха которого у Риты кружилась голова, Игорь начал оживать. И как можно пить кофе такой концентрации? Будто жуешь кофейные зерна! Однако, по неизвестной причине, «блевчик», как сам Байрамов называл напиток, действовал на него благотворно.

— Теперь, когда ты очухался, — сказала Рита, — я предупреждаю, что спрятала все камни, палки и колюще-режущие предметы, чтобы ты и не думал кидаться ими в меня!

На лице Игоря появилось нечто, напоминающее улыбку. Он смотрел на нее из-под полуопущенных век, словно кот, напившийся валерьянки.

— Что он сделал с тобой? — глухо спросил он. — Что, раз тебе пришлось сбежать в чертову Англию?

Лицо Байрамова все приближалось, и наконец Рита уже не видела ничего, кроме его широко распахнутых глаз, а потом поняла, что не может дышать, потому что отвечает на поцелуй, боясь оторваться, чтобы набрать в легкие воздуха. Рита толком не знала, сколько это продолжалось, но возвращение к действительности было не слишком романтичным:

— ...твою! — взревел Байрамов.

Рита отпрянула как ужаленная. Жутко ругаясь, он держался за синее плечо и шумно дышал.

— Прости, — пробормотала она, — я забыла!

Боль постепенно отпускала, и сжатые в тонкую линию губы Байрамова слегка расслабились.

— Так ты мне скажешь, как твой папаша заставил тебя меня бросить? — спросил он наконец.

— Он не заставлял, дело не в этом.

— Тогда в чем?

В голосе Игоря, несмотря на каменное выражение его лица, звучала растерянность. Неужели он до сих пор переживает? Он был так холоден с ней, даже презрителен, но, оказывается, старая рана не давала ему покоя? Или оскорбленное самолюбие? Что-то типа: *Байрамова не бросают, это он решает, как и когда произойдет расставание...*

— В том, — вздохнула она, откидываясь на спинку дивана и поджимая под себя ноги, — что он все равно не дал бы нам встречаться. Ты это знал, и я это знала, так что не было смысла себя обманывать. Ты слишком упрям, чтобы принять очевидное, поэтому мне самой пришлось решать.

Игорь нахмурился:

— То есть этот английский *Макс* был мифом?

— Мэтт. Его звали Мэтт, и он настоящий, живой человек. Но Мэтт появился гораздо позже того, как мы разошлись...

— Разошлись?! — вскипел Игорь. — Значит, вот как это называется! Ты уходишь, не отвечаешь на звонки и подговариваешь мать врать, что тебя нет дома!

— Прости, — тихо сказала Рита, не глядя на него. — *Я действительно* думала, что так будет лучше!

— Ты ненормальная! Ну почему ты никогда не думаешь своей головой, почему позволяешь дру-

гим управлять собой? Такое впечатление, что ты постоянно пытаешься что-то доказать отцу, но я никак не могу уяснить, что... А главное, зачем?

— Разве ты не понимаешь, что отец мог разрушить твою карьеру?! — закричала Рита, вскакивая на ноги и вытягиваясь перед Байрамовым во весь свой рост. Ее кулаки были прижаты к бедрам, и она чувствовала, как кровь пульсирует у нее в запястьях и у самого горла. — Он *не хотел*, чтобы мы были вместе, он... он считал нас родственниками!

— Да какими, к черту, родственниками?! — взревел Байрамов. — Это же ерунда какая-то! Просто он хотел, чтобы все шло по *его* плану!

— Да, — согласилась Рита, успокаиваясь. — Да, он так хотел. И, самое главное, он *мог* заставить нас. Я просто... не хотела давать ему такой возможности.

На некоторое время в помещении повисла зловеющая тишина.

— Ты пытаешься сказать, — наконец прервал ее Игорь, — что порвала со мной, чтобы не заставлять *меня* выбирать между ним и тобой?

Она кивнула.

— Но почему ты посчитала, что имеешь право лишать меня выбора?

— Возможно, потому что боялась того, каким он может стать.

— То есть ты думала, что я выберу его?

Рита ничего не ответила и снова опустилась на диван, но подальше от Байрамова.

— Отец считал, что тебе ничто не должно мешать. И никто. В чем-то он был прав...

— Ты не соображаешь, что говоришь!

— Может, и нет, но без меня у тебя все было отлично, разве нет? Дела пошли в гору, ты стал

номером один, и не только в Мариинке... Без отца у тебя ничего бы не вышло, и мы оба отлично это понимаем!

— И все-таки ты решила за меня. — Голос Игоря звучал на удивление спокойно. — Это неправильно. Ты даже не пришла меня навестить в больницу!

— Но я была там! — перебила Рита, не желая беспочвенных обвинений. На самом деле она вдруг почувствовала, что не может больше делать вид, что ей все безразлично, не может врать тому, кого всегда любила. — Мы с мамой сидели у входа в реанимацию и ждали, пока ты выйдешь из комы. Ты вышел, и отец захотел, чтобы я вернулась к Мэтту, ведь он считал, что мы поженимся.

— Он готов был отправить тебя к черту на кулички, лишь бы не видеть нас вместе! — процедил Игорь сквозь зубы. — Тиран чертов! А ты послушала его и как *хорошая папина девочка* уехала? И даже не поговорила со мной?

— Ты тогда был не в том состоянии... Но я приезжала потом.

— Приезжала? — не понял Игорь. — Когда?

— Когда ты проходил реабилитацию в Израиле. Я узнала адрес медицинского центра и рванула к тебе. Думала, мы сможем... Господи, честно говоря, я даже не знаю, что я думала!

— Как такое возможно, ведь я тебя не видел?

— Зато я тебя видела.

— То есть?

— Ты обжимался с какой-то блондинкой в больничном саду, и я поняла, что тебе не нужны ни мое сочувствие, ни моя любовь.

— *Обжимался?*

Игорь наморщил лоб, пытаясь понять, о чем она говорит.